

Мария Коницкая

Институт литовского языка

Вильнюс

marija.konickaja@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0005-2571-790X>

Article No. 3289

DOI: 10.11649/abs.3289

Citation: Коницкая, М. (2024). К вопросу о гибридности текста «О сотворении мира» в двух книгах литовских татар. *Acta Baltico-Slavica*, 48, Article 3289. <https://doi.org/10.11649/abs.3289>

Citation: Konitskaia, M. (2024). K voprosu o gibridnosti teksta "O sotvorenii mira" v dvukh kitabakh litovskikh tatar. *Acta Baltico-Slavica*, 48, Article 3289. <https://doi.org/10.11649/abs.3289>

К вопросу о гибридности текста «О сотворении мира» в двух книгах литовских татар

1. Происхождение литовских татар и их памятники письменности

Первые татары – выходцы из Золотой Орды – поселились в Великом княжестве Литовском (далее ВкЛ) в конце XIV века. Более точную дату установить невозможно. В конце XIV – начале XV веков татары, исповедующие ислам, образовали диаспору, которая по своим языковым, этническим и религиозным особенностям значительно отличалась от коренного населения. Позже эта группа получила название «литовские татары». Первые крупные татарские поселения были основаны недалеко от Вильнюса и Тракая. В настоящее время в Литве проживает около 3000 татар. Наиболее густонаселенные местности – Алитусский, Каунасский и Вильнюсский уезды.

Первые татары принадлежали к кипчакской языковой группе. Язык более поздних жителей находился под влиянием османско-турецкого языка (Miškinienė, 2001, с. 13).

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2024.

Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences

[Wydawca: Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk]

Поселившиеся в ВкЛ татары с течением времени ассимилировались. Их ассимиляция определялась несколькими факторами. Одним из главных был процесс рутенизации в первой половине XVI века под влиянием культуры русинов и рутенизированных литовцев. Кроме того, татары, составлявшие меньшинство на территории ВкЛ, женились на христианках. Немаловажным фактором являлось отсутствие единого языка общения среди татар – носителей разных диалектов: «...к началу XVII в. литовские татары в основной своей массе не владели своим родным языком. Очевидно, что интеграции переселенцев в одну этноконфессиональную группу способствовали общая религия – ислам, общий язык – (старо)белорусский, а также общие права и обязанности» (Мишкинене, 2022, с. 96).

Литовско-татарская рукописная традиция зародилась в середине XVI века. Древнейшие татарские рукописи (китабы, хамаилы, тафсиры и тежвиды)¹, написанные на русинском и польском языках арабскими буквами, известны с конца XVII–XX вв. в списках более позднего времени (Miškinienė, 2001, с. 15). Они отражают особенности социокультурной и социолингвистической ситуации Великого княжества Литовского, для которого характерны мультикультурализм и многоязычие. Многие тексты в рукописях, помимо славянских языков, написаны на арабском и староосманском языках.

Вопросы взаимодействия татар с белорусским и польским населением ВкЛ, отказ от родных языков и переход на местные языки остаются в поле зрения современных ученых. Одним из крупнейших исследований в данной области является проект «Тефсир», реализуемый международным коллективом².

2. Трудности определения языковой принадлежности текстов китабов. Общая характеристика гибридных текстов

Со времени начала изучения языка китабов основоположником китабистики А. Антоновичем прошло более полувека, однако проблема описания и изучения славянских языков белорусских и литовских мусульманских рукописей остается по-прежнему актуальной. Г. Мишкинене отмечает:

Ранее языковеды делали попытки охарактеризовать языковые особенности конкретных рукописей, не проводя (по крайней мере систематически) их взаимного

¹ Подробнее о типах рукописного наследия литовских татар см. А. Антонович (1968, сс. 13–20).

² В работе проекта, который проходит в рамках исследований Центра изучения китабистики Университета им. Н. Коперника в Торуне (Centrum Badań Kitabistycznych Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu), принимают участие ведущие специалисты из Польши, Литвы, Украины, Белоруссии, Турции. Интернет-страница проекта: <http://www.tefsir.umk.pl/>, дата обращения 9 июля 2024.

сопоставления, и поэтому, как правило, не шли дальше общих утверждений о смешанном характере языка татарских рукописей с преобладанием в них то белорусских, то польских языковых особенностей. При введении в научный оборот большего количества расшифрованных памятников татарской письменности и в результате их подробного текстологического анализа станет возможным более точное определение исходного славянского языка, на котором были первоначально написаны рукописи литовских татар (Мишкенене, 2013, с. 101).

Установление источников текстов, однако, лишь в малой степени проливает свет на языковые компетенции их создателей. Как утверждает один из ведущих китаистов Ч. Лапич, язык китабов по определению отличался от разговорного языка его пользователей. В частности, он не представлял собой отдельной системы, отличало его большое количество гибридных форм (Łapicz, 1986, сс. 217–220). По мнению А. Кожиновой, «корректнее было бы говорить не о языке и даже не о речи, а все же о текстах, представляющих лишь одну сторону языковой компетенции их создателя – способность участвовать в письменной коммуникации, о текстах, которые можно определить термином гибридные» (Кожина, 2019, с. 126).

В отношении гибридных текстов как одного из регистров книжного языка в средневековой культурной ситуации в качестве типологического признака существенными являются мысли В. М. Живова: «...одно лишь членение на книжный и некнижный языки для описания языковой ситуации средневековой Руси недостаточно, поскольку и книжные, и некнижные тексты оказываются слишком разнородны по своим лингвистическим характеристикам, чтобы их можно было трактовать как противопоставленные друг другу единства» (Живов, 1996, с. 31). Подобную точку зрения на гибридные тексты, создаваемые на Руси, высказывал также Б. А. Успенский. По мнению исследователя, гибридный церковнославянский язык – это «такой язык, книжный характер которого основан лишь на отдельных признаках книжности – последние накладываются на нейтральный в плане противопоставления русского и церковнославянского языка фон и могут быть проведены достаточно непоследовательно» (Успенский, 2002, с. 491). Ученый отмечал, что «основная масса оригинальных текстов, созданных на Руси, написана именно на гибридном языке. Такого рода тексты обнаруживают стремление пишущих писать по-церковнославянски, однако это никоим образом не стандартизированный церковнославянский язык» (Успенский, 1997, с. 126). Тему гибридности книжных текстов развивает Н. Запольская, отмечая, что «парадигма цсл. языка русского извода включала два основных варианта – стандартный вариант, определявший максимальную дистанцию между книжным и некнижным языком, и гибридный вариант, допускавший наряду с книжными и некнижные варианты» (Запольская, 1999, с. 109).

Предположение А. Кожиновой о применении идеи гибридности к большинству текстов, созданных литовскими татарами в ВкЛ, основано на том, что данные тексты создавались «исходя из языковых возможностей того или иного носителя языка с ориентацией на некоторый известный ему книжный идеал. Соответственно, языковая структура подобного текста будет как отражать идиолект его создателя, так и включать элементы того книжного образца, на который этот создатель ориентировался» (Кожина, 2019, с. 129).

В данной статье предпринята попытка продемонстрировать некоторые характеристики текста «О сотворении мира», зафиксированного в рукописях (хранящихся в Национальном музее Литвы и в Библиотеке Академии наук Литвы), которые позволяют интерпретировать его как гибридный.

В рамках данной статьи будет рассмотрен текст «О сотворении мира», представленный в двух китабах: в китабе Ивана Луцкевича³ (далее ИЛ) и китабе Айши Смольской (далее АС). Объем ИЛ составляет 280 страниц, он назван по имени владельца и датируется первой половиной XVIII в. (Мишкинене и др., 2005, с. 39). Этот китаб состоит из текстов на арабском, белорусском и польском языках (Антонович, 1968, сс. 54–56). Китаб же АС, созданный на территории современной Беларуси, в местечке Мыши, недалеко от Барановичей, датируется первой половиной XIX в. Как указывает А. Антонович, из записи, сделанной на турецком языке, «мы узнаем, что по мусульманскому летоисчислению китаб написан месяца шабана 1230 г., что соответствует 1815 г. н. э.», а переписчицей была Айша Смольская (Антонович, 1968, с. 69). В Каталоге уточняется дата создания китаба: 1814 год (Мишкинене и др., 2005, с. 46). В ИЛ есть прямые ссылки на источник рассматриваемого текста: *kšengi mōjžēšōwe tridešce čwartyj rōzʒal 'u wiršu drugim* и т. д., в АС даны только сокращения: *1 r 34 w 2*.

Исследуемый текст «О сотворении мира» можно условно разделить на несколько частей: Сотворение мира, Сотворение Адама и Евы, родословная. Все они входят в состав Ветхого завета, а точнее – Пятикнижия Моисея. Можно предполагать, что источником текста «О сотворении мира» в китабах Луцкевича и Смольской являлась Библия Симона Будного (1572 г.). О Библии Будного как об основном источнике содержащихся в китабах христианских текстов пишут Х. Янковски и Ч. Лапич:

W treści i języku polskich i białoruskich przekładów religijnych tekstów muzułmańskich odnajdujemy wyrazy, zwroty i frazy obecne w pismach ariańskich, zwłaszcza w przekładzie Biblii Budnego (Jankowski & Łapicz, 2000, с. 24).

³ Текст китаба И. Луцкевича приводится по изданию G. Miškinienė, The Kitab of Ivan Lutskevich. A Monument of Lithuanian Tatar Culture (2021).

Библию Будного как один из основных источников немусульманских текстов указывают И. Радзишевска (Radziszewska, 2012), а также Г. Мишкинене, отметившая: «Основным источником, без сомнения, служила Библия Симона Будного 1572 г.» (Мишкинене, 2020, с. 47). О Библии Будного как об основном источнике христианских текстов писал и А. Дрозд:

Zestawienie biblijnych cytatów w kitabach i porównanie ich z poszczególnymi przekładami Pisma św. daje wynik jednoznaczny: podstawowym źródłem wiedzy biblijnej polskich Tatarów był ariański przekład Szymona Budnego, tj. Biblia nieświeska z 1572 r. (Drozd, 2000, с. 31).

Вопрос источника текста «О сотворении мира» в китабах Ивана Луцкевича и Айши Смольской, возможно, требовал бы уточнения, но он выходит за рамки представленного здесь исследования и в данной статье автор им не занимается.

3. Фонетические особенности текста «О сотворении мира» в двух китабах

Рассмотрим некоторые фонетические особенности текста, представленного в двух китабах, с учетом диагностических признаков польского и белорусского языков.

3.1. Вокализм

3.1.1. Аканье

Одной из важных черт белорусского языка является аканье, возможное в предударной и в заударной позиции.

1) В предударной позиции:

а) в одном фонетическом слове с предлогами:

– предлог *do*:

В ИЛ зафиксировано 3 использования предлога *do* в форме *da* и 22 – в форме *do* (без аканья). В АС же все 26 раз предлог не отражает аканья, то есть используется в соответствии с нормами польского литературного языка, например:

ИЛ *wšelkō žiwôrečō plazajōncō pō žemi i rekl bōg da ādama*
АС *wšelko żywo rečo pelzajonco bo [*po] žemi i rekl būg do ādama*

ИЛ *jehō pan bōh ‘użaw da raju xanōxōwi u šešżeśat pac hōd*
АС *jeho pan būg wżol na nebo do raju xanoxu u šešżeśont lāt i penc*

ИЛ **dō šebe** i òd tix benkartōw žiži jehūdčikami naziwajōnše
 AC **do šebe** i od tix benkatrow žiži zowoše jehūdčikami

ИЛ wedlūg rōzaju jej **do tegō** stwōril bōg menžčizni
 AC wedlūg rozaju jej **do tego** stworil būg čloweke menščizne

– предлог *od*:

В обоих текстах зафиксировано лишь четыре случая использования данного предлога. При этом в ИЛ три раза выступает акающий вариант *ad* и один раз вариант без аканья *od*, а в АС предлог *ad* зафиксирован один раз и три раза вариант *od*:

ИЛ jeden '**ad drūgij** 'ašer 'ō taž '**ad je**'kūb prarōke
 AC jeden '**ad drugī** 'ešer otož **od je**'kūba proroke

ИЛ sinōw izmaalōwix '**ad kedara** pōšli kurejšōwe ā z
 AC [i]zm[a]'[e]l[o]w[i]x **od kedara** pošli kurejšowe ā z

ИЛ dō šebe i **ōd tix** benkartōw žiži jehūdčikami naziwajōnše
 AC do šebe i **od tix** benkatrow žiži zowoše jehūdčikami

Надо отметить, что в том случае, когда в ИЛ выступает предлог без аканья, он использован в одном фонетическом слове с односложным местоимением, что, вероятно, показывает оттяжку ударения на предлог, сохраняющий в этом случае форму *do*.

б) в корнях слов:

– *urodz-*

В ИЛ корень '*urazi-*' зафиксирован 23 раза и один раз в форме '*ūrōzi-*' ('*ūrōžilše*'). В АС в этом корне регулярно используется лишь буква *o* (24 случая из 24):

ИЛ ānūš ānūšōwi 'u zeweczešat hōd '**uraziwše** ken 'an ā ken 'anu
 AC ānūš ā ānūšowi u zewenzešont lāt **urožilša** kene 'an a kene 'anu

ИЛ u šemzešat hōd '**uraziwše** mehla'il 'a mehla'ilu u šešzešat
 AC u šedmizešont lāt **urožilša** mehla'il ā mehla'ilu u šešzešont

– *opošn-*

В использовании других слов в АС наблюдаются колебания, и на соседствующих строках одни и те же слова могут быть записаны как с аканьем, так и без него:

AC samij **opošnij** prorok pośle jeho žadnego proroke nebilo i nebenze
 ūše proroki na jeho prorokowali mowili būze prorok **āpošnij**

В соответствующих строках в ИЛ таких колебаний нет: используется *a*, передавая аканье:

ИЛ samij ‘**apōšnij** prarōk pōšle jehō žadnahō prarōke
nebilō i nebūze ūše prarōki na jehō prōrōkewali mōwili
būze prarōk ‘**apōšnij** ketōrij ‘uweś śwet nawerne ku

– *žon-*

Колебания в корне зафиксированы лишь в китабе ИЛ, где могут использоваться формы как с аканьем, так и без него. В китабе АС выступают только формы без аканья, то есть польскоязычные формы.

ИЛ cala i duxa **žōne** jemū xawe stwōril iz jix dwux rōzsipal
АС cāla i duxa **žone** jemū xawe stworil iz jix dwux rozsipal

ИЛ twegō āni **žōni** āni newōlnika āni newōlnici āni bika āni ōsla
АС twego āni **žoni** āni newolnika āni newolnici āni bika āni osla

ИЛ **žani** šeśc sinōw lejinix staršij rūbin drūhij
АС **žoni** šeśc sinow lejinix staršij rūbin druhij

– *prorok*

Показательна передача слова *пророк*: в АС зафиксировано 37 форм *prorok* и ни одного случая с аканьем, то время как в ИЛ отмечено 29 случаев формы *prarōk* и ее производных, и лишь один раз – *prorok*.

- 2) В заударной позиции. Примеры заударного аканья зафиксированы лишь в ИЛ:

ИЛ preciw nezeli ‘u **wečar** pan bōh stwarac pačaw śwet
АС bab preciw nezeli u **wečor** pan boh tworic začaw śwet

ИЛ i prūžna i **cemnaśc** bila pō ‘ōbliču ‘ōdxlani ‘a dūx
АС i prožna i **cemnośc** bila po obličju ūdxlani ā dux

ИЛ naprōd stwōril pan bōh **neba** i žemlu ‘a žemla bila hrūba
АС naprod stworil **nebo** i žeme ā žeme bila grūba i prožna i cemnośc bila

ИЛ oxendōžōne mōcō bōskō bō jak **skōra** wiślō slōwō twōje
АС oxendožone moco bosko bo jak **skoro** wišlo slowe twoje.

3.1.2. Неполногласие

В текстах практически отсутствует характерное для белорусского языка полногласие, представлено неполногласие (за исключением одного случая в ИЛ). Рассмотрим данное явление на примере трех слов: *голос, который и человек*.

- 1) Слово *glos* ‘голос’ выступает четыре раза и только в родительном падеже, например:

ИЛ *zen peršij ‘a ješče glōsu čłowečegō neslixac bilo*

АС *zen peršij ā ješče glosu čłowečego neslixac bilo*

ИЛ *nebenzeš slūxac glōsu jehōwi bōga twegō stregōnc*

АС *nebenzece slūxac glosu jehowi boga twego stregonc.*

Примеры демонстрируют отсутствие полногласия и одинаковое написание.

- 2) Слово *który* ‘который’ по-разному фиксируется в двух китабах. В ИЛ зафиксировано 17 форм: *-ktōr-: nektōre, ktōrij* (5), *s ktōrix, ktōre* (6), *dō ktōrej, ktōra* (Вин. п.), *ktōregō, ktōra* (Им. п.), при этом гласный [o] в корне слова всегда записан одинаково: *ō* (при помощи вав с даммой). В АС зафиксировано 18 форм: *ktorij, s ktorix, nektüre, ktüre* (5), *ktūra, ktūrij* (4), *do ktūrej, ktūra* (Вин. п.), *ktūri, ktūrego, ktūra* (Им. п.), при этом гласный фиксируется различным образом:

ИЛ *čłowekōwi ktōrij mal bic stwōrōn pōtim dna*

АС *čłowekowi ktōrij majl bic stworon potim dna*

ИЛ *ōbliču wašej žemi i wšitke drewō ktōre ‘ōwōc drewa*

АС *obličju wašej žemi i wšelke drewa ktüre owoc drewa.*

Айша Смольска звуки [o] и [y] последовательно обозначает как *ō* и *ū*. Кроме того, в АС, созданном позже ИЛ, суженный гласный получил отдельное обозначение *ū*, которого Айша Смольска последовательно придерживается: 16 раз из 18 выступает *ū*.

- 3) Слово *człowiek* ‘человек’ и производные от него зафиксировано по три раза в ИЛ и АС. Приведем два примера:

ИЛ *wedlūg rōzaju jej do tegō stwōril bōg menžčiźni čłoweke i newaste*

АС *wedlūg rozaju jej do tego stworil būg čłoweke menščiźne i newaste*

ИЛ *zen peršij ‘a ješče glōsu čłowečegō neslixac bilo*

АС *zen peršij ā ješče glosu čłowečego neslixac bilo.*

Ср., однако, появление полногласия в ИЛ в корне при неполногласии в АС (на примере слова *młodsza* ‘младшая’):

ИЛ *a malōdšaje žana raxel taja jemū ‘uraziła dwux sinōw*

АС *ā mlodša żona raxel uroziła dwux sinow.*

3.1.3. Реализация носовых гласных

Важной фонетической особенностью текстов является реализация носовых гласных в различных позициях. Выделяют следующие случаи:

1) разложение носовых перед согласными:

а) перед взрывными и фрикативными согласными: $e > en$:

ИЛ: benze, čenšcej, wženčnimi, čenšci, źwerenta (2), menžčizni, źwerencu, mezi, menžčizni, wencej, renkah, zešenc, nebenzece, bende, śwencil, benzemi, menžu, benze, penzešont;

АС: benze, čenšc, čenšcej, wženčnimi, čenšci, źwerenta (2), menščizne, źwerencū, mezi, menščizni, penzešont, penc (3), pencset, zewenc, bliznenta, wencej, rence, tišencej (2), zešenc, nebenzece, bende, śwencili, benzemi, menžu, benze, penzešont;

б) перед смычными губными согласными $q > om$:

ИЛ stwōrileš pōwetre nebeske i rōskazaleš ‘abi **wistōmpila**

АС stworil powetre nebeske i roskazal ābi **wistompilo**;

в) перед переднеязычными согласными $q > on$:

ИЛ slōnca i **mešōnca** i **pōrōndek** gwazd rōzkazanem

АС slonca i **mešonca** i **porondek** gwazd roskazannem

ИЛ **pōntegō** rōskazaleš šōdmej čenšci gze bili wodi zgrō

АС **pontego** roskazal šodmej čenšci gze bili wodi zgrūmazone

ИЛ źwerenta ‘abi narōdōwe meli **stōnd** ‘ōpawadac cūža twoje

АС źwerenta ābi narodowe meli **stond** opowadac cūda twoje.

Ср., однако, иную реализацию носового в ИЛ по сравнению с АС:

ИЛ ānūš ānūšōwi ‘u **zeweczešat** hōd ‘uraziwše ken ‘an ā ken ‘anu

АС ānūš ā ānūšōwi u **zewenzešont** lāt urozilša kēne ‘an a kēne ‘anu

ИЛ u **šemzešat** hōd ‘uraziwše mehla’il ‘a mehla’ilu u **šešzešat**

АС u **šedmižešont** lāt urozilša mehla’il ā mehla’ilu u **šešzešont**.

Случаи, в которых в соответствии с сочетанием $o+n < q$ в ИЛ выступает *a*, отмечены преимущественно в числительных на *-zešat* (14 примеров), хотя в двух случаях выступает форма с *-ont*, аналогичная той, что представлена в АС:

ИЛ ‘u **šedmižešont** duš dō jehiftu ‘a jūšuf bil u jehiftu

АС u **šedmižešont** duš do jehift’u 3 i tam swego sina zginonego znalezl jūšufe sinow.

Кроме того, различается реализация в числительном ‘пятый’:

ИЛ *šem'ōn trecij lewij čwartij jehūda patij išaxar*
 AC *šem'ōn trecij lewij čwartij jehūda ponti išaxar,*

однако одинаковая реализация представлена в:

ИЛ *kedi wšitkô zbōže bilō na renkax jūšufōwix ōn tim rōnzil*
 AC *zapašil dal mu wšitkē zbože na rence jego i ronzilše jūšuf tim*

ИЛ *zewōnte nešweč neprawziwe zešōntō nepōžōnzaj dōmu bližnegō*
 AC *9 nešweč neprawziwe 10 nepožondaj domu bližnego;*

2) денализация в конце слова в окончаниях разных частей речи:

а) $\epsilon > e$:

ИЛ *cō plazajō pō žemi cōkōlwēk ma duše žiwu wšelkij*
 AC *co polza po žemi cokolwek ma duše žiwu wšelkij*

ИЛ *cala i duxa žōne jemū xawe stwōril iz jix dwux rōzsipal*
 AC *cāla i duxa žone jemū xawe stworil iz jix dwux rozsipal*

ИЛ *gnewliwij bende za tō keral nemilašerdne trece nebōžše*
 AC *gnewliwij za to bende keral nemiloserdne nebožeša.*

б) $q > o$:

ИЛ *plōzceše mnōžceše i napelnajce žeme 'awladajce jō*
 AC *plozceša i napelnajce žeme āwladajce jo*

ИЛ *i panūjce nad ribō mōrškō i nad ptastwem nebeskim i nad*
 AC *i panūjce nad ribo morsko i nad ptastwem nebeskim i nad*

ИЛ *wšelkō žiwōrečō plazajōncō pō žemi i rekl bōg da ādama*
 AC *wšelko žiwo rečo pelzajonco bo [*po] žemi i rekl būg do ādama.*

в) $q > u$

ИЛ *cō plazajō pō žemi cōkōlwēk ma duše žiwu wšelkij*
 AC *co polza po žemi cokolwek ma duše žiwu wšelkij.*

Отдельно следует обсудить реализацию возвратной частицы *šē*, отраженную в китабах. В ИЛ она последовательно представлена как *še*, тогда как в АС она может быть представлена с денализацией: *narozילוše* (2), *urozילוše*, *zowoše*, *ronzilše*, *naplozילוše*, *preklinajše*, *božiše*, *ocūcše*, *weselicše*, *bojceše*, *podpirajceše*, а также с аканьем: *urozilša* (17), *ūrozilša*, *narozilša*, *plozceša*, *bojceša*, *prespalaša*, *nebožeša*, *splugawiceša*, *rozgnawalša*, *wirekališa*, *bajučiša*. Переход $\epsilon > a$ не обусловлен ни лексически, ни морфологически. В АС преобладают формы *ša*.

3.2. Консонантизм

В области консонантизма фиксируется как орфографическая, так и фонетическая запись слов. Это не является диагностическим признаком, однако показывает влияние разговорной речи и неустоявшиеся нормы письменного языка авторов (составителей) kitabов.

3.2.1. Ассимиляция по глухости

В текстах не зафиксировано оглушения согласных в конце слова, что может объясняться письменным характером текста. Однако в ИЛ и АС зафиксированы случаи ассимиляции по глухости.

- 1) Случаи ассимиляции по глухости зафиксированы в основном при использовании предлога *z/iz*:

а) перед *k/ḳ*:

ИЛ *na žemi mušulmanem wirš jedinastij že s **kedara** ten prorok*
 АС *na žemi mušulmanom [werš] 11 že s **kedara** ten prorok*

ИЛ *s tix dwunastu sinōw izra'elōwix s **každegô** sina pō stō*
 АС *iz tix dwanastu izra'elowix **iz kežnogo** sina po sto;*

б) перед *p*:

ИЛ *tri hadi i s **prarōkem** mala ôsmōre zecej četiri sini*
 АС *i tri hadi i s **prorokem** māla ošmoro zecej četiti sini*

ИЛ *is **pōkōlena***
 АС *s **poradi**;*

в) перед *t*:

ИЛ *s **tix** dwunastu sinōw izra'elōwix s každegô sina pō stō*
 АС ***iz tix** dwanastu izra'elowix iz kežnogo sina po sto.*

В ИЛ зафиксировано пять примеров ассимиляции, в АС – три. В двух случаях в ИЛ в тех местах, где выступает предлог *s*, фиксируется предлог *iz*: *s každegô // iz kežnogo; s tix // iz tix*.

В обоих текстах есть примеры с отсутствующей ассимиляцией:

ИЛ *iz **šwekram** dabila pōtim ūše sinōwe pradali jūšufe*
 АС *iz **šwekrem** dobila potim uši sinowe je kūbowe predali jūšufe.*

- 2) Еще один пример ассимиляции по глухости зафиксирован в приставке *roz-* (в словах с основой *roskaz-*: *roskazales, roskazuje, roskazanne* и др.). Всего в обоих текстах зафиксировано по 13 таких слов. При этом лишь в одной

глагольной форме в АС выявлено написание через *z* (что соответствует правилам польского литературного языка): *rozkazal* (2). В ИЛ в глагольных формах последовательно выступает написание приставки *ros-*, например:

ИЛ *stwòrileś pòwetre nebeske i rōskazaleś* ‘abi *wistòmpila*

АС *stworil powetre nebeske i roskazal* ‘abi *wistompilo*

ИЛ *stalò tedi wòda nema i bez duši na rōskazane* bōske *zròzila*

АС *stalo tedi wodi źeme i bez duši na roskazanne* boske *zrozila*

ИЛ *peršij i rōskazal* jim *zešenc rečej* žebi *nečinili*

АС *i roskazal* jim ‘abi *zešenc rečej* *nečinil*.

Наибольшее разнообразие представлено в записи слова *rozkazanie*. В текстах оно зафиксировано три раза: в каждом китабе приставка *roz-* используется по одному разу без ассимиляции согласного, остальные два – с ассимиляцией. Этот пример прекрасно демонстрирует вариативность использования приставки *roz-* и отсутствие нормы:

ИЛ *slōnca i mešōnca i pōrōndek gwazd rōskazanem*

АС *slonca i mešonca i porondek gwazd roskazannem*

ИЛ *i činōnc wšitke rōskazane* jegò *ūstawi* jegò *ktōre ja tōbe*

АС *i činonc wšitke roskazanne* jego *i ūstawi* jego *ktūre ja tobe*

ИЛ *že òpūścil rōskazane* bōže *ā činō tō cō pan bōg neraskazal*

АС *že opuścili roskazanne* bože *ā čino to cō pan būg nekazal* jim.

- 3) Ассимиляция по глухости в середине слова встречается только в АС в польском слове *mężczyzna*. Следует отметить, что в ИЛ ассимиляции по глухости в данном случае нет:

ИЛ *wedlūg rōzaju jej do tegò stwòril bōg menžčizni*

АС *wedlūg rozaju jej do tego stworil būg čloweke menščizne*

ИЛ *lūzej na wšitek śwāt menžčizni* i *newasti šila perše*

АС *lūzej na wšitek śwāt menščizni* i *newāsti mnoho perše*.

3.2.2. Способ образования заднеязычного звонкого согласного

В текстах фиксируется как фрикативный, так и взрывной способ образования заднеязычного согласного.

- 1) [g] взрывной представлен как в ИЛ, так и в АС:

ИЛ *bō òd cebe stwòricela nebil stwòronij drūgegò* dna

АС *bo od boga stworci 3 nebil stworonij drugego* dnā

ИЛ **rōžōncegō** našenje ‘abi wam bilō kū ježenū i wšelkemu
 AC **rozōncego** našenja ābi wam bilo ku jezennu i wšelkemu

ИЛ **zgōtōwaleś** tež dwōje źwerōnt s ktōrix jednō nazwano
 AC **zgotowaleś** tež dwoje źweront s ktorix jedno nazwano;

2) [γ] фрикативный представлен как в ИЛ, так и в АС:

ИЛ hōd ‘uražiwśe xanōx tō jest idriś prarōk **žiwōhō**
 AC lāt urozilśa xanox to jest idriś prorok **žiwoho**

ИЛ jehō miłōć welmi tūżiw bō jemū kăfire nemahli **ničōha**
 AC ‘a.m. welmi tużiw bo jemū kăfire nemahli **ničoho**,

Однако:

ИЛ samij ‘apōšnij prarōk pōśle jehō **žadnahō** prarōke
 AC samij opośnij prorok pośle jehō **žadnego** proroke

ИЛ **jehō** pan bōh ‘użaw da raju xanōxōwi u šeśżeśat pac hōd
 AC **jeho** pan būg wżol na nebo do raju xanoxu u šeśżeśont lāt i penc.

Стоит отметить, что в тексте встречаются вариативные записи формы личного местоимения 3-го лица в род. п.: *jeho* и *jego*: в китабе АС *jego* зафиксировано 11 раз; *jeho/jehō* – 8; в китабе ИЛ зафиксировано *jegō/ jego* – 7 раз, *jehō* – 12.

Обзор фонетических особенностей текста в двух китабах демонстрирует разноту и большую вариативность, из-за чего данный текст ни в одном из китабов нельзя однозначно отнести к определенному языковому идиому (польскому или белорусскому языку).

4. Морфологические особенности текста «О сотворении мира» в двух китабах

При рассмотрении морфологических особенностей текста в двух китабах учитываются, как и в разделе о фонетических особенностях, лишь диагностические признаки, по которым польский и белорусский языки четко противопоставлены друг другу.

4.1. Имя существительное

Наиболее яркой чертой, характеризующей оба китаба, является окончание дат. п. м. р. ед. ч. В литературном польском языке подавляющее большинство существительных мужского рода имеют окончание *-owi* и лишь некоторые – окончание *-u*. В то же время в польских говорах на бывшей территории ВкЛ эти

существительные имеют окончание *-и*, что объясняется влиянием белорусского языка (Турска, 1995, с. 181). З. Курцова отмечает, что колебания в использовании окончаний *-owi* и *-и* в польском диалекте на территории Литвы фиксируется уже в конце XVI в., а также в XVII–XVIII вв. (Kurzowa, 1993, с. 258).

В исследуемых текстах также наблюдаются колебания в использовании окончаний *-owi* / *-и*. Показательно, что эти формы встречаются в тексте рядом. В качестве примера можно привести следующий отрывок из двух китабов:

ИЛ *jehō pan bōh 'użaw da raju xanōxōwi u šešżeśat pac hōd*
 AC *jeho pan būg wżol na nebo do raju xanoxu u šešżeśont lāt i penc*

ИЛ *uraziwśe metūśalix 'a metūśelexōwi 'u stō 'aśmiześat śem*
 AC *uroziłśa metuśalax ā metūśalixowi u stu ośmiześont śedim*

ИЛ *hōd 'uraziwśe lamex 'a lemaxōwi u stō 'aśmiześat dwux*
 AC *lāt uroziłśa lamex ā lamexowi u stu ośmiześont dwux,*

но тремя строками ниже:

ИЛ *hadi śamu 'uraziwśe arfexśed arfexśedu 'u tri ac pac*
 AC *roki śamu uroziłśa arfexśed arfexśedu uroziłśa we triżeśce penc*

ИЛ *hōd 'uraziwśe salix prarōk 'a salixu 'u tri ac hōd 'ura*
 AC *lāt salix prorok ā salixu we triżeśce lāt*

ИЛ *ac hōd 'uraziwśe naxōr 'a naxōru 'u dwa ac*
 AC *lāt uroziłśa naxōr ā naxōrowi we dważeśce.*

В АС зафиксировано 14 словоформ с окончанием *-owi* и такое же с окончанием *-и*. Они распределены по тексту неравномерно: так, на одной странице фиксируется четыре формы с окончанием *-owi* и семь с окончанием *-и*, на другой – по две формы с *-owi* и с *-и*, на третьей – все пять форм с окончанием *-и*. Такая же ситуация наблюдается в ИЛ: 14 слов с окончанием *-ōwi* и 19 с окончанием *-и*. При сопоставлении двух текстов становится очевидно, что выбор окончаний *-owi* и *-и* ничем не регламентирован.

У имен существительных женского рода в вин. п. ед. ч. зафиксировано два типа окончания: характерное для польского языка окончание *-ę* с денализацией (*ę* → *e*) и свойственное белорусскому языку окончание *-и*. Выбор окончания обусловлен лексической формой: в польских лексемах выступает окончание *-e*:

ИЛ: *zeme* (4), *duśe*, *żōne xawe*, *matke* (2)
 AC: *zeme* (5), *duśe*, *żone xawe*, *matke* (2);

в белорусских словах – *-и*:

ИЛ: *zēmlu*, *swaju mačexu*, *swaju sinōwu tamaru*,
 AC: *swoju mačixu*, *swoje sinowu tamaru*.

4.2. Глаголы

Текст «О сотворении мира» носит повествовательный характер и рассказывает о прошлом, в связи с чем в тексте преобладают глаголы прошедшего времени.

Парадигма глаголов прошедшего времени в польском языке в значительной степени отличается от белорусского языка. В частности, в польском языке формы единственного числа различаются по лицам. Во множественном числе есть разделение форм на лично-мужские и нелично-мужские. Белорусский язык характеризуется синкретизмом личных форм в единственном и множественном числе, которые различаются лишь по родам (мужской, женский и средний).

В обоих текстах зафиксировано лишь по три глагола 1 л. ед. ч. м. р. В них используется только окончание *-lem*:

ИЛ *ō tō dalem* wam wšelke źelje rōzōnce našene ktōre pō
AC *oto dalem* wšelke źelje rozonce 13 našenje ktūre po

ИЛ *wiśeka izraela z ōbliča źemi ktōra dalem* jim ‘a dōm ktōrij
AC *wiśeke izra’ela z obliča źemi ktūra dalem* jim ā dom ktūri

ИЛ *pōśwencilem* imenū mōjemu ōdrūce ōd ōbliča mōjegō
AC *pośwencilem* imennū mojemu odruce od obliča mojego.

В исследуемых текстах зафиксированы формы 2 л. ед. ч. м. р. с личным окончанием *-les*:

ИЛ *swōjim stwōrileś* ‘a tix masteś jim rōskazali ‘abi bili pōslū
AC *twōjim stworileś* ā ne tix 14 mast jim rosказal ābi bili posлуśne

ИЛ *zgōtōwaleś* tež dwōje źwerōnt s ktōrix jednō nazwano
AC *zgotowaleś* tež dwoje źweront s ktorix jedno nazwano.

Однако в АС эта форма часто заменяется формами с суффиксом *-l-* и нулевым окончанием (формами 3 л. ед. ч. м. р.):

ИЛ *stwōrileś* pōwetre nebeske i rōskazaleś ‘abi wistōmpila
AC *stworil* powetre nebeske i rosказal ābi wistompilo

ИЛ *zaxōwaleś* ‘abi nektōre ź nix tōbe slūžili wsazōne
AC *zaxowal* ābi nektūre ź nix tobe slūžili wsazone.

В тексте зафиксировано 18 форм 3 л. ед. ч. ж. р. Во всех формах выступает окончание *-a*, характерное как для польского, так и белорусского языка.

ИЛ *wnet wśitka sprawa kōnčila* ‘a wnet *wiśla* welka ‘ōbfītōśc
AC *wnet wśitka sprawa končila* ā wnet *wiśla* welka obfītōśc

ИЛ *mazōne* ‘abi źwerenta ptaki i ribi *zrōžila* cō še tak
AC ābi źwerenta ptaki i ribi *zrozila* co še tak.

Во всех формах 3 л. ед. ч. ср. р. в книгах зафиксировано окончание -o, характерное для польского языка:

ИЛ wiślō, śe stalō, bilo/ bilo/ bilo (7), nebilō (2), naplōzilōśe, narōzilaśe, 'urazilōśe
AC wišlo, śe stalo, bilo (7), nebito (2), naplozilośe, narozilośe (2), urozilośe.

Единственное исключение – форма 3 л. ед. ч. ср. р. *narōzilaśe* в ИЛ:

ИЛ u śemżeśat hōd **narōzilaśe** trex sinōw staršij
AC u śedmiżeśont lāt **narozilośe** trex sinow staršij.

Большинство глагольных форм в тексте являются формами 3 л. ед. ч. м. р. В АС зафиксировано 85 форм с суффиксом -l- и нулевым окончанием. В книге также отмечено 13 форм с суффиксом -w-, который последовательно записан при помощи буквы *waw* (з), что соответствует белорусскому *ў* (у неслоговому): *biw* (3); *āženiw*; *āddaw* (4); *mew* (2); *tužiw*. Аналогичная ситуация наблюдается и в ИЛ.

Таким образом, анализ диагностических морфологических признаков текста в двух книгах, представленный в данном разделе, не показывает однозначной отнесенности каждого из книг к определенному языку – белорусскому или польскому. Особенно ярким свидетельством этого являются формы существительных, в которых выбор окончаний, как правило, ничем не обусловлен, за исключением отмеченной связи окончания существительных женского рода в винительном падеже единственного числа с принадлежностью данной лексемы к польскому либо белорусскому языку.

5. Лексические особенности текста «О сотворении мира» в двух книгах

В обеих книгах наблюдается вариативность также в области лексики: наблюдается использование лексем как польского, так и белорусского языков.

Так, например, из пяти случаев употребления слова 'дочь' трижды используется белорусская лексема *dačka* и дважды – польская *cirka*:

ИЛ śōstij zewulen śōmuju **dačku** 'urazila imenem diñu
AC śosti zewulen śōmuju **dačku** urozila imennem dinnū

ИЛ četiri **dački** sinōm imene bilō 'abdullax peršij 'abdullkašim
AC četiti **dački** sinow imona bili 1 'abduallax 2 'abdullkašim

ИЛ kelene naprōd diña **cūrka** je 'kūbōwa iśexemōwim sinem xemōrem
AC pokolenna naprod dinna **cūrke** je 'kūbowa iśexemowim sinem xemōrem.

Одно из наиболее часто встречаемых слов в данном тексте – словоформа 'год'. Оно используется также в двух формах: белорусской *hod* и польской *lat* (род. п. мн. ч.):

ИЛ 'u stō triześca **lat**, 'u stō pac **hōd**, 'u zeweczesať **hōd**, u śemześat **hōd**, u šeśześat pac **hōd**, 'u stō šeśześat i dwax **hōd**, šeśześat **hōd** i tri и др. (соотношение: *lat* – 1, *hod* – 11 случаев употребления);

АС we stū triześce **lāt**, we stū penześont **lāt**, u šeśześont **lāt**, u stu šeśześont i dwux **lāt**, u šeśześont **lāt** i penc и тд.; ū stū **lat**, u **lat** šeśześont, sorok **hod**, **hod** i dwa meśeci, šeśześat **hod** i tri (соотношение: *lat* – 9, *hod* – 3).

Как видно из приведенных выше примеров, лексемы *hod* и *lat* употребляются в обоих текстах. Можно отметить лишь количественное различие в текстах: в ИЛ соотношение: *lat* – 1, *hod* – 11 случаев употребления, в АС соотношение: *lat* – 9, *hod* – 3. Можно также указать на то, что их использование последовательно обусловлено наличием польскоязычных или белорусскоязычных форм числительных: белорусское *zeweczesať hōd* и польское *zewenześont lāt*.

Выводы

В статье были рассмотрены некоторые фонетические, морфологические и лексические особенности, варьирующиеся в тексте «О сотворении мира» в двух текстах – тексте Ивана Луцкевича и тексте Айши Смольской. Анализ языкового материала подтверждает выдвинутое в начале статьи предположение о гибридности текста. Несмотря на то, что источником текста в двух текстах является польскоязычный библейский текст, отмечаемые в текстах особенности на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях не позволяют однозначно квалифицировать использованный в них язык как польский или белорусский: в обоих текстах в текстах присутствуют черты обоих языков (полногласие / его отсутствие, окончание *-owi* / *-u*, использование лексем *hod* / *lat*). Зачастую колебания находятся в непосредственной близости (на одной или на соседних строках) и не обусловлены никакими параметрами.

Представленные выводы относятся к исследуемым текстам, однако, вероятнее всего, могут быть экстраполированы и на другие тексты книг литовско-польских татар.

В частности, аналогичные явления в текстах книг наблюдали А. Кожина. По ее мнению, «трудно предположить, что подобную бессистемность мог допустить человек, сознательно ориентирующийся на определенный письменный язык. Скорее всего, здесь имел место процесс, наблюдаемый при недифференцированном полилингвизме, когда индивид не разделяет системы

языков и использует первую приходящую ему на ум форму, не задумываясь относительно ее языковой принадлежности» (Кожина, 2019, с. 134).

Библиография

- Антонович, А. К. (1968). *Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система*. Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса.
- Живов, В. М. (1996). *Язык и культура в России XVIII века*. Школа «Языки русской культуры».
- Запольская, Н. Н. (1999). «Простой» язык Библии Ф. Скорины и Псалтыри А. Фирсова: Реконструкция механизма грамматического подобию. In Н. Н. Запольская (Ed.), *Эволюция грамматической мысли славян XIV–XVIII вв.* (pp. 109–128). ИСЛ РАН.
- Кожина, А. (2019). Об одной рукописи литовских татар (к вопросу о языковой идентичности). In A. Kretschmer, G. Neweklowsky, S. M. Newerkla, & F. Poljakov (Eds.), *Minderheiten in der slawischen Welt: Sprachkontakte und kulturelle Identitäten* (pp. 125–136). Peter Lang.
- Мишкенене, Г. (2013). О текстологии рукописных kitabов литовских татар: Легенда Мираджа. *Slavistica Vilnensis. Kalbotyra*, 58(2), 99–117. <https://doi.org/10.15388/Slav-Viln.2013.2.1432>
- Мишкенене, Г. (2020). Интерференция ислама и христианства – заимствования из мусульманских и немусульманских источников в рукописях литовско-польских татар. In J. Perszon & I. Kamiński (Eds.), 50. *lecie Deklaracji o stosunku Kościoła do religii niechrześcijańskich «Nostra aetate» a myśl M. Fethullaha Gülena: Vol. 3. Islam, Turcja, Tatarzy* (pp. 45–58). Fundacja «DUNAJ» Instytut Dialogu.
- Мишкенене, Г. (2022). О разнообразии текстов в арабографичных славяноязычных рукописях литовских татар на примере текста «О чем говорят буквы арабского алфавита». In Я. В. Пилипчук (Ed.), *Культурні та цивілізаційні зв'язки між Європою і Сходом* (pp. 95–98). Національний педагогічний університет ім. М. П. Драгоманова.
- Мишкенене, Г., Намавичюте, С., & Покровская, Е. (2005). *Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар*. Вильнюсский государственный университет.
- Турска, Г. (1995). *О происхождении польскоязычных ареалов в Вильнюсском крае* (М. Сиwickене, Trans.). Mintis.
- Успенский, Б. А. (1997). История русского литературного языка как межславянская дисциплина. In Б. А. Успенский, *Избранные труды: Vol. 3. Общее и славянское языкознание* (pp. 121–142). Школа «Языки русской культуры».
- Успенский, Б. (2002). *История русского литературного языка (XI–XVII вв.)*. Аспект пресс.

- Drozd, A. (2000). Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich (XVI–XX w.). In A. Drozd, M. Dziekan, & T. Majda (Eds.), *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich: Katalog zabytków tatarskich* (Vol. 3, pp. 12–37). Res Publica Multiethnica.
- Jankowski, H., & Łapicz, C. (2000). *Klucz do rajy: Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku*. Dialog.
- Kurzowa, Z. (1993). *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w.* Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Łapicz, C. (1986). *Kitab Tatarów litewsko-polskich (paleografia, grafia, język)*. Uniwersytet Mikołaja Kopernika.
- Miškinienė, G. (2001). *Seniausios Lietuvos totorių rankraščių*. Vilniaus universitetas.
- Miškinienė, G. (2021). *The Kitab of Ivan Lutskevich: A monument of Lithuanian Tatar culture*. Institute of the Lithuanian Language.
- Radziszewska, I. (2012). Historia stworzenia świata według rękopisu Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego z XVIII wieku. In A. K. Гадомски & K. Кончаревић (Eds.), *Теолінгвістика: Мeђународни тематски зборник радова* (pp. 451–460). Гласник.

Bibliography (Transliteration)

- Antonovich, A. K. (1968). *Belorusskie teksty, pisannye arabskim pis'mom, i ikh grafiko-orfograficheskaja sistema*. Vil'niusskii gosudarstvennyi universitet im. V. Kapsukasa.
- Drozd, A. (2000). Piśmiennictwo Tatarów polsko-litewskich (XVI–XX w.). In A. Drozd, M. Dziekan, & T. Majda (Eds.), *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich: Katalog zabytków tatarskich* (Vol. 3, pp. 12–37). Res Publica Multiethnica.
- Jankowski, H., & Łapicz, C. (2000). *Klucz do rajy: Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku*. Dialog.
- Kozhinova, A. (2019). Ob odnoī rukopisi litovskikh tatar (k voprosu o iazykovoī identichnosti). In A. Kretschmer, G. Neweklowsky, S. M. Newerkla, & F. Poljakov (Eds.), *Minderheiten in der slawischen Welt: Sprachkontakte und kulturelle Identitäten* (pp. 125–136). Peter Lang.
- Kurzowa, Z. (1993). *Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich XVI–XX w.* Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Łapicz, C. (1986). *Kitab Tatarów litewsko-polskich (paleografia, grafia, język)*. Uniwersytet Mikołaja Kopernika.
- Mishkenene, G. (2013). O tekstologii rukopisnykh kitabov litovskikh tatar: Legenda Miradzh. *Slavistica Vilnensis. Kalbotyra*, 58(2), 99–117. <https://doi.org/10.15388/SlavViln.2013.2.1432>
- Mishkenene, G. (2020). Interferentsiia islama i khristianstva – zaimstvovaniia iz musul'manskikh i nemusul'manskikh istochnikov v rukopisiakh litovsko-pol'skikh tatar. In J. Perszon & I. Kamiński (Eds.), *50. lecie Deklaracji o stosunku Kościoła do religii niechrześcijańskich "Nostra aetate" a myśl M. Fethullaha Gülena: Vol. 3. Islam, Turcja, Tatarzy* (pp. 45–58). Fundacja "Dunaj" Instytut Dialogu.

- Mishkinene, G. (2022). O raznoobrazii tekstov v arabografichnykh slavianoiazychnykh rukopisiakh litovskikh tatar na primere teksta "O chem govoriat bukvy arabского alfavita". In IA. V. Pylypchuk (Ed.), *Kul'turni ta tsivilizatsiini зв'язky mizh IEvropoi i Skhodom* (pp. 95–98). Natsional'nyi pedahohichnyi universytet im. M. P. Drahomanova.
- Mishkinene, G., Namavichiute, S., & Pokrovskaia, E. (2005). *Katalog arabskoalfavitnykh rukopisei litovskikh tatar*. Vil'niusskii gosudarstvennyi universitet.
- Miškinienė, G. (2001). *Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai*. Vilniaus universitetas.
- Miškinienė, G. (2021). *The Kitab of Ivan Lutskevich: A monument of Lithuanian Tatar culture*. Institute of the Lithuanian Language.
- Radziszewska, I. (2012). Historia stworzenia świata według rękopisu Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego z XVIII wieku. In A. K. Gadomski & K. Končarevič (Eds.), *Teolingvistika: Međunarodni tematski zbornik radova* (pp. 451–460). Glasnik.
- Turska, G. (1995). *O proiskhozhdenii pol'skoiazychnykh arealov v Vil'niusskom krae* (M. Sivitskene, Trans.). Mintis.
- Uspenskii, B. A. (1997). Istoriia russkogo literaturnogo iazyka kak mezhslovianskaia distsiplina. In B. A. Uspenskii, *Izbrannye trudy: Vol. 3. Obshchee i slovianskoe iazykoznanie* (pp. 121–142). Shkola "IAzyki russkoĭ kul'tury".
- Uspenskii, B. (2002). *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.)*. Aspekt press.
- Zapol'skaia, N. N. (1999). "Prostoi" iazyk Biblii F. Skoriny i Psaltyri A. Firsova: Rekonstruktsiia mekhanizma grammaticheskogo podobii. In N. N. Zapol'skaia (Ed.), *Ėvoliutsiia grammaticheskoi mysli slavian XIV–XVIII vv.* (pp. 109–128). ISL RAN.
- Zhivov, V. M. (1996). *IAzyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*. Shkola "IAzyki russkoĭ kul'tury".

К вопросу о гибридности текста «О сотворении мира» в двух книгах литовских татар

Резюме

В данной статье рассматривается текст «О сотворении мира» из двух книг литовских татар, созданных в первой половине XVIII в. (книга Ивана Луцкевича) и первой четверти XIX в. (книга Айши Смольской), хранящихся в Библиотеке Академии наук им. Врублевских и Национальном музее Литвы. На основании фонетических, морфологических и лексических особенностей обоих текстов предпринимается попытка обосновать гибридность анализируемых текстов.

Ключевые слова: книги; литовские татары; гибридные тексты; польский язык

On the Question of the Hybridity of the Text “On the Creation of the World” in Two Kitabs of Lithuanian Tatars

Abstract

This article examines the text “On the Creation of the World” from two kitabs of the Lithuanian Tatars, created in the first half of the eighteenth century (kitab of Ivan Lutskevich) and the first quarter of the nineteenth century (kitab of Aisha Smolskaya), held in the Wroblewski Library of the Lithuanian Academy of Sciences and the National Museum of Lithuania. Based on the phonetic, morphological and lexical features of both texts, an attempt is made to substantiate the hybridity of the analysed texts.

Keywords: kitabs; Lithuanian Tatars; hybrid texts; Polish language

W kwestii hybrydyczności tekstu *O stworzeniu świata* z dwóch kitabów Tatarów litewskich

Streszczenie

Niniejszy artykuł analizuje tekst *O stworzeniu świata* z dwóch kitabów Tatarów litewskich, które powstały w pierwszej połowie XVIII wieku (kitab Iwana Łuckiewicza) i pierwszej ćwierci XIX wieku (kitab Aiszy Smolskiej), zachowanych w Bibliotece Litewskiej Akademii Nauk im. Wróblewskich i Litewskim Muzeum Narodowym. Na podstawie osobliwości fonetycznych, morfologicznych i leksykalnych obu tekstów podjęto próbę uzasadnienia hybrydyczności analizowanych tekstów.

Słowa kluczowe: kitaby; Tatarzy litewscy; teksty hybrydowe; język polski

Marija Konickaja, MA, PhD student at the Institute of the Lithuanian Language (subject: Features of the Polish language of Lithuanian Tatar manuscripts written in the Arabic alphabet). In 2005, she completed her MA studies at the University of Warsaw (subject: The Polish language in Visaginas, Lithuania (phonetics and morphology)), and at the University of Vilnius (subject: An attempt at a comparative description of dialectal varieties of Polish nouns in three villages in Lithuania). Research interests: Polish language of the borderlands, sociolinguistics, language contact.

Correspondence: M. Konickaja, Research Centre of Written Heritage, Institute of the Lithuanian Language, Vilnius, Lithuania, e-mail: marija.konickaja@gmail.com

Support of the work: The article was written as part of PhD work. The study was conducted at the author's own expense.

Competing interests: The author declares that she has no competing interests.

Publication history: Received: 2024-06-01; Accepted: 2024-10-10; Published: 2024-12-31.

INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
POLISH ACADEMY OF SCIENCES
1954-2024